

П. Н. ЛУППОВ.

СЕВЕРНЫЕ УДМУРТЫ В 16-17 ВЕКАХ.

(Очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы).

Под именем северных удмуртов разумеются удмурты, обитавшие на территории бассейна реки Чепцы с ее правыми и левыми притоками.

До первого районирования Европейской и Азиатской России (в начале 18 века при Петре I) они назывались вотяками или отяками Вятскими или Хлыновскими, так как они входили в состав Вятской земли и были подчинены главному городу этой земли — Вятке (или Хлынову), иногда Каринскими, Чепецкими и Верхо-Чепецкими, по месту их проживания.

Эти удмурты являются северными по отношению к остальным удмуртам, проживающим на территории Казанского татарского ханства, а по падении его (1553), на территории Казанского воеводства Московского государства и известным в истории под именем «Казанских».

Предметом настоящей статьи является уяснение колониционного движения северных удмуртов в 16 и 17 в.в.

Тема эта представляет интерес не только потому, что до сих пор она не была освещена в литературе, можно сказать, почти не затрагивалась, но и потому, что аналогичный вопрос из истории Казанских удмуртов — вследствие истребления пожарами архива Приказа Казанского Дворца в Москве (в начале 18 в.) и архивов Казанских (в начале 19 в.) — едва ли удастся когда либо осветить более или менее обстоятельно.

Исследователь колонизационного движения северных удмуртов в 16 и 17 в.в. пока располагает лишь несколькими относящимися к удмуртам 16 и 17 в. документами (числом до 7), опубликованными полностью в различных местных изданиях, каковы: «Древние акты, относящиеся к истории Вятского Края», Вятские Губернские Ведомости, Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии и Труды Ижевского Научного Общества, и немногими печатными статьями, каковы: 1) Историческая записка о селе Святицком Глазовского уезда¹, две статьи А. А. Спицына: 2) «Земля и люди на Вятке в 17 столетии»; 3) «К истории Вятских инородцев»² и его же 4) «Розыскания о древнейших обитателях Вятского Края»³; 5) Проф. Смирнова «Исторический очерк вотяков»⁴; 6) М. А. Островской, «Из истории Вятских инородцев»⁵ и 7) П. М. Сорокина: «Арские князья в Карине»⁶. Но во всех этих статьях (за исключением статьи Островской и проф. Смирнова) удмуртам уделяется внимание очень небольшое, причем сообщаемые данные не всегда отличаются правильностью. О колонизационном движении удмуртов в прошлые времена имеются кое какие сведения в их преданиях, какие были частично собраны Н. Г. Первухиным («Эскизы преданий и быта инородцев северо-восточной части Глазовского уезда»), Б. Гавриловым («Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губ.». Казань. 1880); есть кое что у Г. Е. Верещагина в двух его книгах: «Вотяки Сосновского Края» и «Вотяки Сарапульского уезда». На основании этих преданий в статье М. Г. Худякова: «Вотские родовые деления» (Известия Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии) сделана попытка нарисовать общую картину переселения удмуртов в давно прошедшие времена, но так как предания

¹ Вят. Губ. Ведомости 1851 г № 9.

² Памятная книжка Вят. Губ. на 1887 и 1889 г.

³ Материалы по археологии восточных губ. т. I.

⁴ В его книге „Вотяки“. Казань. 1890.

⁵ Известия Казанского О-ва Арх., Истории и Этнографии. 1912 г. т. 28, вып. 4—5.

⁶ Пам. кн. Вят. губ. на 1897 г.

не заключают в себе точных хронологических данных, то ими и нельзя воспользоваться для уяснения колонизационного движения в пределах точных хронологических рамок.

Такое положение дела побудило меня обратиться к поискам новых архивных материалов в Московском древнехранилище, в Ленинградских рукописных собраниях и в Вятском Историческом архиве.

Из найденных мной материалов в настоящей статье использованы: 1) Дозорная книга 1615 г. Каринских и Чепецких вотяков, 2) Переписная книга 1646 г., 3) Переписная книга 1678 г., 4) Ряд приказных дел старых лет 17 и начала 18 века, в которых заключаются главным образом челобитные удмуртов и ответные грамоты на них Московского Правительства, 5) Несколько документов Сибирского приказа первой половины 17 века¹, 6) Акты 17 века, хранившиеся прежде в Вятской Казенной палате, а ныне хранящиеся в Археографической Комиссии, 7) Экземпляр дозорной книги 1615 г., хранящийся в Ленинградской Публичной Библиотеке, дающий возможность восполнить недостающие листы в Московском экземпляре этой же книги, 8) дело Вятской провинциальной канцелярии 1735 г., заключающее в себе материал частью 17 века, частью начала 18 в. (хранится в Вятском Историч. Архиве).

Для моей цели мне были необходимы еще так называемая Карауловская перепись 1654 г. и ревизские сказки по северным уездам Вятского Края, в особенности, сказки 1 ревизии; но Карауловская перепись оказалась утраченной, хотя она несомненно была еще жива в начале 20 века. Ревизские сказки первых ревизий хотя и имеются в Вятских архивах (по крайней мере, они были в конце 19 в.), но вследствие вынужденного неоднократного перемещения архивного фонда (в составе которого они хранились), Вятское Архивбюро пока не в состоянии извлечь их из общей массы дел этого фонда. Мне не удалось также найти перепись удмуртов 1629 г., произведенную Толочановым и Иевлевым, и при-

---

¹ Документы, перечисленные под №№ 1—5, хранятся в Московском Древнехранилище.

лось ограничиться итоговыми цифрами этой переписи, сохранившимися в одном из приказных дел старых лет¹.

Территория северных удмуртов. Судя по сохранившимся документам, в 16 и 17 веках удмурты занимали территорию по реке Чепце, впадающей в Вятку. Река эта, протекающая сначала в югозападном, затем в северозападном и, наконец, в западном направлении, всем своим течением на протяжении свыше 400 километров в то время принадлежала Вятской земле.

Удмурты занимали по преимуществу правый берег этой реки с ее притоками: Лыпом, Пызепом, Люком, Варижем, Лумом и более мелкими: Липовецкей Кипицей, Светлицей или что то же, Святицей, Роговкой, Дубовицей, Озерницею и Яровой. Удмурты занимали здесь сравнительно неширокую полосу правобережья. Около половины 16 в. часть удмуртов жила кроме того по верхнему течению Вятки в Сырьянской волости (Слободского уезда) и неподалеку от с. Шестакова на месте нынешних деревень Погост и Форишонки², но к 17 в. они, повидимому, уже исчезли отсюда, так как переписные книги Слободского уезда их уже не упоминают даже в начале 17 в.

Левобережье Чепцы с ее притоками — Лозой с Салей, Итой и Унтежкой, Кепом, Юндой, Кестымом, Сепычем, Убытью, Жабой, Лекмой с Пажмой, Лемой и Чурой, Садой, Святицей и Косой, представляло собой довольно обширное пространство вплоть до границ Вятской земли и земли Казанской, образовавшейся из Татарского ханства. Где про-

---

¹ Мною были просмотрены еще Переписная книга Каринской волости, составленная в 1710 г. Степ. Дан. Траханиотовым, и Переписная книга Каринской волости отяцких долей, составленная в 1717 г. Ландратом Иваном Кологривовым. По просмотре этих документов я убедился, что по своей неясности и неполноте они не могут считаться достаточным источником сведений об удмуртах начала 18 в. Ими можно было бы воспользоваться в связи с ревизскими сказками 1-й ревизии по Вятской земле.

² В 1925 г., проезжая из с. Шестакова в г. Слободской, я имел возможность установить, что деревни Погост и Форишонки, находящиеся приблизительно в 4 километрах от Шестакова, до сих пор у населения известны под именем вотских, хотя в настоящее время удмуртов здесь нет.

ходила эта граница, историками не установлено; первый Вятский историк Вештомов в своей истории вятчан дает понять, что левобережье Чепцы в ее среднем течении принадлежало Казанской чети, но это оказывается неправильным. В настоящее время, после опубликования в 1926 г. в Трудах Ижевского Научного Общества владетельной выписи отяков Верхо-Чепецкой 5 доли¹, составленной в конце 18 в., стало возможным говорить об этих границах более определенно.

Из этого документа видно, что входившие в состав Вятской земли удмурты Верхо-Чепецкой 5 доли в конце 17 в. владели р. Лозой с ее притоками: Салей, Унтемом и Итой; отсюда Казанский рубеж шел по р. Чуре, им принадлежало верхнее течение Ижа (от Чуры), а равно речек Якшур, Порва, Орзеош, Седшур, Нязь и Агья; с Агьи владения их шли на верховья речки Иты и далее на Очерский волок, соединявший верховья р.р. Чепцы и Очерки, впадавшей в Каму. Далее, судя по тому, что по переписной книге 1678 г. в 5 доле находилось и селение Шаркан, следует заключить, что верховья р. Вотки и верхнее течение р. Шарканки принадлежало вятским же удмуртам 5 доли. Таким образом, течение реки Ижа (ниже впадения Чуры) и р. Вотки, на которых впоследствии были устроены заводы Ижевский и Воткинский, уже не входило в Вятскую землю.

Далее, отводная выпись на земли, данная русскому крестьянину Пахому Коцееву в 1648 г., заключает в себе между прочим указание на то, что Казанский рубеж в то время проходил недалеко от нынешнего села Сосновского.

Если мы по указанным в упомянутых исторических документах пунктам проведем черту-границу между Вятской и Казанской землей², то увидим, что левобережье Чепцы, входившее в состав Вятской земли, представляло собой до-

---

¹ В конце 17 в. удмурты Вятской земли делились на доли или сельские общества. Были следующие доли: Каринская 1 и 2, Чепецкая Нижняя, Верхо-Чепецкая (или Чепецкая верхняя) и Верхо-Чепецкая 5 доля.

² На основании этих указаний в документах мной на исторической карте Вятского края, изданной в сборнике „Вятский Край“ (Вятка 1929) намечена южная и юго-восточная граница Вятской земли.

вольно обширное пространство. Хотя в 16 и начале 17 в. оно весьма слабо было заселено удмуртами, но они считали его своим, указывая на то, что по грамоте, 1588 г. они платили в Казну общий денежный оброк в довольно большой сумме (сначала 500, а в 1614 г. 550 р.) «за все про все», как выражалась грамота¹.

Прошрое Чепецкой территории. Описываемая территория имела обитателей уже за несколько веков до рассматриваемого нами времени. Вятские археологи Первухин и Спицын нашли здесь целый ряд городищ, которые они относят к так называемой Чудь-болгарской культуре времени IX — XIII в.в. Находки по берегу Чепцы (в Кестымском кладе) сассанидских монет 6 и 7 в.в. позволяют утверждать, что здесь было население и в 6 в. Какая народность жила здесь под именем чуди, пока не установлено. Казанский профессор Смирнов утверждает, что это были пермяки (коми), которые потом отошли несколько к востоку, где находятся остатки их и в настоящее время. Пермский ученый Теплоухов полагает, что это были остяки и вогулы, которые потом отошли частью на север — в Зюздинский Край, где и руссифицировались, а частью за Урал, где потомки их находятся и в настоящее время. К этому мнению примыкает отчасти и академик Соболевский в своей статье «Названия рек и озер русского севера»¹. Впрочем, он не считает вогулов и остяков первоначальными насельниками данной территории и думает, что автохтоном здесь, как и в восточной и центральной Европе, был долихокефальный скифский народ. В доказательство этой мысли он указывает на скифское наименование, встречающееся в этом районе (рч. Ухтымка, приток р. Косы).

Долго ли здесь жили чудские племена, возможно будет установить лишь тогда, когда все городища Чепецкие будут исследованы археологами. Пока же можно лишь сказать,

¹ Луппов П. Н. О жалованной грамоте Каринским и Верхо-Чепецким осякам (Труды Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения, 1929 г. вып. IV).

² Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. XXVII.

называет татарскими, бесермянскими и отяцкими. Переписная книга 1678 г. уже совсем изгоняет термин «чуваши» и заменяет его термином «бесермяне», при чем бесермянскими называет и те деревни, которые по прежним переписным книгам значились чувашскими. Равным образом и в других документах второй половины 17 в. всюду употребляется термин «бесермяне».

Таким образом нужно считать, что в бассейне р. Чепцы в конце 16 и начале 17 в.в. проживали 4 народности: удмурты, татары, бесермяне и русские.

Откуда и когда появились здесь эти народности, точных сведений не имеется.

Удмурты, как известно из устных преданий, занесенных в 17 в. в так называемую «Повесть о стране Вятской», при начале русской колонизации Вятской земли занимали места по среднему течению р. Вятки и в частности около нынешнего г. Вятки, с. Никуличина и при самом устье Чепцы. С появлением русских началось отступление удмуртов в верховья р. Вятки и главным образом по р. Чепце, по преимуществу на ее левый берег.

К 17 веку на устье Чепцы образовался Чепецкий стан (населенный русскими), в котором лишь изредка встречались названия деревень, говорящие о былом удмуртском населении. В писцовой книге 1629 г. упоминаются: 1) дер. Вотская сырсеговская (2 дв. жилых и 2 пустых двора), 2) дер. Вотская у реки Чепцы Савки да Лыски (4 дв.), 3) дер. другая Вотская Кулы Будина (1 дв. пустой); 4) дер., что была за отяки за Лукою да за Фетисом (5 дв.); 5) дер., что был погост отяцкой (7 дв. жилых и 1 пустой), 6) дер., что был починок отяка Ивашка (2 дв. жил. и 1 пустой), но в них, судя по фамилиям домохозяев, жило уже русское население.

Время появления татар и бесермян (чувашей) в бассейне Чепцы точно также составляет пока историческую загадку. Хранящаяся в архиве Академии Наук анкета, представленная в 1761 г. из г. Слободского в Петербургский Шляхетный корпус, заявлявшая, что татары и бесермяне Слободского уезда поселились здесь «с 360 лет», относила

момент появления татар и бесермян в бассейне Чепцы к 1401 году.

Но, так как эта дата в анкете ничем не подтверждена, то на нее нельзя опираться с уверенностью, хотя она, по моему мнению, представляется приблизительно вероятной, ввиду подтверждаемого летописями пребывания на Вятке в самом начале 15 в. князей Суздальских и тесной связи их с татарами, которые помогали Суздальскому князю Семену в завладении Нижегородским княжеством¹.

Что касается русских, то появление их на правом берегу Чепцы в окрестностях Карина произошло несомненно позднее появления здесь татар и бесермян, так как переписные книги начала 17 в. регистрируют русских, как половников татарских и бесермянских.

¹ См. об этом статью А. С. Верещагина: „Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки“ (Труды Вят. Уч. Арх. Комиссии 1906 г. вып. I—II). Указанием на пребывание татар в устье реки Чепцы еще в самом начале 15 в. можно считать известие, помещенное в русских летописях (Софийской 2, Воскресенской, Никоновой) под 1401 или 1402 г. о поимке жены Суздальского князя Семена Дмитриевича по повелению князя Московского.

В этом известии говорится, что посланные князем Московским военачальники Уда и Федор Глебович с многими войсками „подоша на мордву и нандоша ю (т. е. княгиню) у церкви Николы, юже построил татарин Хази баба, и ту изымаша ю со всей казной“. До сих пор историками не разъяснено, где именно была взята княгиня, которая потом вместе с мужем из Москвы поехала на Вятку, где Суздальский князь вскоре и скончался. Упомянутый выше А. С. Верещагин высказал предположение, что значащиеся в летописях слова „на месте Цибирце“ испорчены переписчиками и что они употреблены здесь вместо слов: на оустье Чепцы рцы (Чепцы реки), но он подкрепил это предположение только одним соображением—близостью к устью Чепцы реки с. Никуличина, в котором по его мнению жил татарин Хазибаба, носивший христианское имя Никулы. Между тем, есть одно по моему мнению более существенное соображение, заставляющее относить слова летописи: **на месте Цибирце** именно к устью Чепцы реки, а именно: на устье Чепцы действительно существовала в древности церковь Николы, упоминаемая еще в Писцовой книге 1629 г.; имени этой церкви и село на устье Чепцы называлось в древности Никольским погостом. В документах 17 в. мы встречали слова: Никола Чепецкий, пог. Никольский, относящиеся именно к селу на устье Чепцы. Далее в документах имеются указания на то, что берега р. Чепцы вверх от ее устья принадлежали татарам и следовательно представляли собой татарскую

В моменты переписей 17 в. территория по р. Чепце, населенная указанными народностями, как видно из итогов, сообщаемых писцами, имела следующее количество населения:

Г о д ы	Число населенных пунктов	Число дворов в них
1615	35½	332
1628	64½	545
1646	110	754
1678	154	1420

Из этой таблицы видно, что население в указанной местности в начале 17 века является еще весьма незначительным по своему количеству и что затем оно непрерывно увеличивается. За 65 лет число селений и число дворов возросло в 4,3 раза¹.

Сколько было в том числе удмуртов? К сожалению, не за все 4 момента является возможным установить с совершенной точностью численность удмуртского населения в виду того, что писцы 1615 и 1646 г. г. при регистрации отдельных дворов не всегда отделяли удмуртов от бесермян, а иногда ограничивались общим замечанием о том, что в такой то деревне живут «чуваша и отяки» или «бесермяне и отяки». На основании указанных документов, в виду этого, можно

землю. Правда, эти указания идут от половины 16 века, но возможно, что эта принадлежность Чепецких берегов татарам получила начало еще ранее, именно в 15 в. Если это соображение правильно, то значит мы имеем указание на пребывание на устьи Чепцы татар еще в начале 15 в. А Карино, главное местожительство Каринских татар, находится от устья Чепцы всего в 15—20 километрах.

¹ Указанные цифры извлечены мной из итогов переписи 1615, 1646 и 1678 г.г. Цифры за 1628 взяты из дела Сибирского приказа за 1694, № 65. В указанных документах сообщается также число людей, но так как переписчиками оно устанавливалось по разным принципам (в 1615 исчислялись домохозяева, а в 1646 и 1678 г.—лица муж. пола) и так как исчисление людей в переписной книге 1646 г., повидимому, является не везде полным (в особенности в отношении детей), то я счел более целесообразным не вводить в эту таблицу «число людей».

лишь сказать, что в 1615 г. было удмуртских и бесермянских дворов 302 и в 1628 — 510. Лишь перепись 1678 г., более внимательно регистрировавшая народность жителей, дает возможность установить точнее число удмуртов, а равно и других народностей.

Произведенный мною подсчет внесенных в переписную книгу дворов дает такие результаты: удмуртских дворов в 1678 г. было 1246 в 118 селениях, бесермянских 72 в 7 сел., татарских 25 в 3-х селениях и русских 65 в 27 селениях. Таким образом, в общем количестве дворов удмуртские дворы составляли 88,4%, бесермянские 5,1%, русские 4,7% и татарские 1,8%.

В 1615 г. на той же территории насчитывалось всех дворов 330, из них удмуртских и бесермянских 302 (91,6%, татарских 14 (4,2%) и русских¹ 14 (4,2%).

Таким образом на данной территории удмурты в течение всего 17 века были преобладающей количественно народностью.

Размещение удмуртов по территории. Дозорная и переписные книги, заносив на свои страницы сведения об удмуртах, различают удмуртов: 1) Каринских (живших поблизости от Карина), 2) Чепецких (живших по среднему течению Чепцы) и 3) Верхо-Чепецких (живших в верховьях Чепцы — приблизительно начиная с дер. Бале-зинской (ныне с. Балезино). К этим последним причислялись и те удмурты, которые проживали в бассейне Камских притоков Ижа и Вотки.

Дозорная книга 1615 г. называет деревни Нижний, Шамарданов, Сизев, Гаженов, Омсин, Посхинцы, Новый, Другинцев, Круглое, Осинов, Мочагин, Каисин, далее к востоку дер. при устье Лекмы, Кушманская, Богатырская, Адамова, Заболотная, Подборновская, на Солдарском городище, на красной Слуде, Балезино, Полом, дер. на р. Лозе, Порга и Ворчи.

В дальнейшем времени удмурты продвигаются к востоку, устраивая новые деревни и починки. В переписной книге

¹ В дозорной книге эти дворы называются половническими, но, так как фамилии этих половников русские и в последующей переписи половники прямо называются русскими людьми, то я отношу 14 дворов к русским.

1646 г. отмечаются новые деревни и починки как по правому берегу среднего течения Чепцы, напр., Еловская, Заозерье, так главным образом на левом: д. Кожилка, Мосеева, несколько деревень по Лекме, по Убыти, Большая и Малая Игра, Зура, Дебесы, Варни и даже в верховьях Ижа и его притока Чуры (Ошворца, Малая Ворча, Юзга и Езга).

К 1678 г. появляются новые деревни и починки во всех указанных районах — между прочим, дер. Глазовская с 12 дворами (ныне г. Глазов), поч. Шаркан (ныне большое село на притоке Вотки).

Документы, хранящиеся в Московском Древнехранилище, знакомят нас с довольно интересными деталями этого продвижения удмуртов на новые места.

Перепись вновь приставных дворов, появившихся в селениях удмуртов в течение 13 лет (1649—1662 г.), уже отмечает несколько случаев переселения удмуртов из одних деревень в другие: из погоста Сизева один двор переселяется в починок у р. Косы, из Круглова 1 двор в дер. Новый Варыш, из Балезина 2 двора переселяются в дер. Новые Варни, 1 в Новый Унтемский починок и 2 — в починок над Чепцой рекой на Красном Яру, из починка Люк 6 дворов переселяются в поч. Унтемский Новый, из Мосеева погоста 2 двора переезжают в поч. Ворчу, из Порги выселяются 13 дворов—1 в дер. Варни, 6 в поч. Дебесовский и 6 в Новый починок над речкой Кельмой, из Полома 1 двор переселяется в Новый починок над речкой Гаревкой¹.

Произведенный в 1700 г. дьяком Саввой Сандыревым по особому указу Петра I сыск дворов, появившихся на новоросчистных починках в побережье р. Чепцы после переписи 1678 г.², обнаружил, что за 22 года (1679—1700) 67 удмуртских деревень и починков выделили из себя то или иное количество дворов, пожелавших переехать на новые починки.

Вот список этих селений, составленный мною по обстоятельному отчету дьяка Сандырева.

¹ Книга 1670 г. № 2, значащаяся в Московском Древнехранилище в фонде Вятской гражданской и уголовной Палаты (опись 13, вязка I).

² Приказное дело старых лет 1700 № 170.

№№ п/п.	Наименование селений-метрополий	Число вы- селившихся дворов	Число по- чинков, ку- да они пере- ехали	Наименование починков
1	Большой Полом .	30	10	Поч. на Лупье, Б, Подле Сепыч, Лыпский, подле р. Кез, р. Потку, подле р. Селеш, подле р. Кеп, подле рч. Чубой, Лыпский (дынвыр).
2	Д. Богатырская .	29	7	П. Убытский, Дондинский, Шеснецкий, Конашурский, Омытский, Варышский, Сыгинский.
3	Д. Моисевская .	19	2	Поч. Мосеевский, Кушманский.
4	Д. Буринская . .	18	7	Пч. между Елганкой и Зянкинской, За Караулом, подле рч. Печкеза, подле р. Кеп, р. Неры, подле рч. Уджеговки.
5	Красная Слудка .	15	5	Пч. Пышкетский, Кестымский, Шудзи-Пешкез, Кузминский.
6	Балезинская . .	13	5	Поч. Лыпский, по Лупье, Чумошурский, Бахтияров, Новоушенский.
7	Ст. Солдарь . . .	12	1	Поч. Сепычкарский.
8	Жабинская . . .	11	2	Поч. Быпкинский, Лапугинск.
9	Уканская	11	4	Вверх по Лекме, подле р. Саду, подле р. Чуры и Тумы
10	Усть-Лекомская .	11	5	Вверх по Лекме, подле р. Сызмы, Утчи, Бергыш, Дизбинский.
11	Порва	11	5	Поч. Пислеглуд, подле Ключа, подле рч. Игры, Кизидзи, подле рч. Лозу.
12	Заболотная . . .	10	3	Варнинский, Умовский, Ягошурский.
13	Байдалинская . .	10	2	Пышкет, за р. Чепцой у Лозы.
14	Солдарская . . .	10	1	Поч. Лудошурский.
15	Д. Узга	9	4	Подле рч. Лысу, Баншур, за Гноею, поч. Чумашур.
16	Коповская	8	2	Подле рч. Медму, Жабу.

№№ п/п.	Наименование селений-метрополний	Число вышедших дворов	Число починков, куда они переехали	Наименование починков
17	Вышебогатырск.	8	2	Симпаловский Бояшурский.
18	Игринская . . .	8	2	Подле р. Саяю и Красный Ключ, подле Чумашур.
19	Кушманская . .	7	3	За Чеппой, подле р. Чабыровка, подле рч. Боярань.
20	Подборная . . .	6	2	Поч. Кестымский, поч. Корваевский.
21	Зянкинская . . .	5	2	Подле рч. Лекму, за Лекмой.
22	Кожинская . . .	5	2	Поч.Бахтиаров,ВышеКестыма.
23	Поргинская . . .	5	2	Поч. Пислеглуд, подле рч. Уйвай.
24	Сыльшурская . .	5	2	Подле р. Иту, Дзи.
25	Каргузи	5	4	Подле рч. Гонцу, Медму, Зуду, Люк.
26	Пч. Верх - Богат.	4	1	П. Убытский.
27	Д. Заозерская . .	4	2	За Чепцу подле Лып. подле Чепцы.
28	Пызепский Полом	4	3	Кестымский, Вышекестымский.
29	Унтемская . . .	4	2	
30	Д. Кештемская . .	4	1	Поч. Ю., поч. подле рч. Медму.
31	Д. Адамовская . .	4	1	Поч. Шурский.
32	Д. Кругловская . .	4	3	Поч. Котныр.
33	Д. Порвинская . .	4	2	Поч. Сепычкар, Ключ, подле р. Ому.
34	Д. Пажман	4	2	Подле р. Игры, подле рч. Лысу.
35	Д. Еловская . . .	4	2	Лупьян, подле рч. Гью.
36	Д. Еловская . . .	3	1	Подле р. Бертыш.
37	Д. Трибринская . .	3	1	Поч. Варышский.
38	Д. Уля Полом . . .	3	2	Вышебогатырский, Вверх Сыги.
39	Лонки Ворчи . . .	3	1	Поч. подле рч. Менир.
40	Кня Ворцы	3	1	Поч. подле рч. Чутырку.
41	Пызеп Ворчи . . .	3	1	Подле рч. Гью.
42	Тупал Порга . . .	3	1	Подле р. Дзи.

№№ п/п.	Наименование селений-метрополий	Число вышедших дворов	Число починков, куда они переехали	Наименование починков
42	Золотаревская . .	2	2	По рч. Убыть, подле р. Ому.
43	На Пажмане . . .	2	1	Лудоярский.
44	Дебесская	2	1	Пч. Лыпский.
45	Поч. Папоговск.	2	1	Пч. Сыпицкий.
46	Ошворцы	2	1	Пч. за Гноею.
47	Зуринская	2	2	Подле р. Иту, подле речку Уйвай.
48	Порга	2	1	Подле Иту р.
49	Гординская	2	2	Подле р. Дзи, подле р. Ю.
50	Парзи	2	1	Поч. Лыпский (подле р. Ю.).
51	Вышебогатырский	1	1	Убытский.
52	Д. Унте	1	1	Поч. Кестымский.
53	П. Пышкицкий . .	1	1	Поч. подле р. Лекму.
54	Д. Брюшинская . .	1	1	Подле р. Саду.
55	Д. Дизминская . .	1	1	Пекшур.
56	Д. Озерки	1	1	Байдалинский у Лозы.
57	Пч. Унте	1	1	Подле рч. Ю.
58	Пч. на Убыте . . .	1	1	Поч. Бахтияров.
59	Д. Гордымская . .	1	1	Туда же.
60	Д. Омсинская . . .	1	1	Поч. Вышекестымский.
61	Д. Сизевская . . .	1	1	Поч. что словоет Ключ.
62	Д. Ухтымская . . .	1	1	Поч. За караулом.
63	Д. Кушкитская . .	1	1	По рч. Кыдзе.
64	Пазял	1	1	Подле рч. Кыкву.
65	Поч. Игринский . .	1	1	Под Лозу.
66	Д. Лялина	1	1	Подле рч. Иту.
	Итого	372	139	

Итак 66 удмуртских деревень и починков в течение менее чем четверти века выделили 372 двора на новые починки. Жители некоторых деревень иногда все вместе переезжали

в 1 починок, напр. из Старого Солдыря 12 домов переселились в поч. Сепычкарский (№ 7 списка), из 19 дворов дер. Мосеевской (№ 13) почти все переехали в поч. Мосеевский и 2 двора в поч. Кушманский: из дер. Солдарской (№ 14) все 10 дворов переехали в 1 починок (Лудошурский); из поч. Верхбогатырского все 4 двора переселяются в поч. Убытский, такое же количество дворов из д. Кештемской (№ 30) основывают поч. Шурский, 4 двора дер. Адамовской основывают поч. Котныровский и т. д.¹. С другой стороны были такие деревни, жители которых переселялись в разнообразные починки (Большой Полом, Богатырская, Буринская).

Здесь любопытно отметить, что, как можно судить по сыску С. Сандырева, очень многие починки в официальной переписке на первых порах именуется по своему географическому положению: починок за Чепцой у Лозы, поч. подле речку Лекму, подле реч. Жабу, за Лекмой, подле р. Бертыш, подле Чепцу, за Чепцой, у Лозы, поч. на Лупье, подле речку Ю, подле Кез, подле Чубой р., подле Потку, Подле Кеп, подле р. Печкез, подле р. Кыдзе, подле Менир речку, подле речку Уивай, подле Лысу рч., за Гноей речкой, подле речку Гонцу, подле Зуду рч., подле Люк р.

Несомненно, некоторые, по крайней мере, из этих селений имели уже удмуртские наименования, но писцы 17 века, видимо, пренебрегали этими названиями, как они пренебрегали местными названиями и в русском районе того времени. У Савы Сандырева только для 1 починка сообщается удмуртское наименование Дынвыр (см. № 1 в списке).

БОРЬБА УДМУРТОВ С РУССКИМИ И ТАТАРСКИМИ КОЛОНИЗАТОРАМИ В 17 В.

Рассяляясь в бассейне р. Чепцы и верховьях Ижа и Вотки, удмурты в течение всего 17 века вынуждены были отстаивать свою территорию от других народностей, стреми-

¹ Вероятно отсюда идут слышанные мною не раз рассказы о том, что прежде удмурты, если им не понравится жить в одном месте, всей деревней переезжали на другое место.

вшихся овладеть отдельными ее частями. В первой половине 17 в. на удмуртскую территорию наступает монастырское землевладение и затем надвигается русская вольнонародная колонизация.

В самом начале 17 в. на удмуртской территории в правобережья р. Чепцы на Тютрюмовских горах (около нынешнего с. Николаева (Березник) был основан Верхочепецкий монастырь; затем, несколько позднее, на правом же берегу, при устье р. Святицы, возник Усть-Святицкий Спасский монастырь.

Оба монастыря при содействии правительства стали обзаводиться вотчинами, расположенными, разумеется, поблизости, т. е. на той же удмуртской территории.

По дозорной книге 1615 г., за Верхочепецким монастырем значатся 3 починка и одно займище — с 8 крестьянскими дворами.

Кроме того у монастыря были пашенные земли и рыбные ловли и в других местах. Карауловская перепись 1654 г. насчитывает на землях Верхо-Чепецкого Монастыря 95 крест. дворов с 111 домохозяевами; переписная книга 1678 г. — 176 дворов, и, наконец, перепись Сонцева Засекина 1722 г. — 369 дворов с 1612 душами¹.

Усть-Святицкий монастырь, значившийся по Карауловской переписи безземельным, в 1662 г. имеет уже 30 крестьянских дворов. В 1678 г. монастырь почему то потерял часть вотчин: за ним по переписной книге 1678 г. значится всего 5 дворов².

Помимо этих монастырей, расположившихся на удмуртской территории, развивали свои земельные вотчины другие монастыри, возникавшие в рассматриваемый период на севере Причепецкого района — Холуницкий, возникший около 1594 г. на р. Холунице, левом притоке р. Вятки, Екатерининский Верховятский, возникший в 1582 г. в верхнем течении р. Вятки.

¹ Данные по переписи 1654 г. и 1722 г. приведены в Истории Вятчан Вештомова.

² Спицын. „Земля и Люди на Вятке в 17 столетии“. Календарь Вятской губ. на 1887 г.

По дозорной книге 1615 г. за Холуницким монастырем значится 5 починков с 10 дворами; за Верховятским — 5 починков с 12 дворами крестьян и 1 двором бобьльским¹.

В 1662 г. за последним, Верховятским, монастырем числилось 59 дворов, а в 1678 г. — 45 дворов².

Само собой разумеется, что удмурты встретили монастырское землевладение в их крае довольно враждебно.

Из царской грамоты Вятскому воеводе Жемчужникову от 3 мая 1614 г. видно, что чернец Чепецкого монастыря (в других местах он называется строителем) Гурий жаловался царю, что на монастырские оброчные земли приезжают «насильством Каринской волости отяки и сенные их покосы насильством косят и пашни ему — чернецу — не велят пахать и угрожают всякими угрозами». Чернец просит царя «велети от Каринских татар берегчи».

Царь удовлетворяет его ходатайство и посылает соответствующую грамоту Вятскому воеводе³.

Грамота эта вызывает некоторое недоумение несоответствием начала с концом: приезжают на монастырские земли Каринской волости отяки, а Гурий просит беречь его от Каринских татар. В этом смысле и дается царское повеление. В чем тут дело? Имея в виду то, что Каринские погосты, в которых были сосредоточены татары, находились на далеком расстоянии от монастыря, к монастырям же были ближе деревни удмуртов, принадлежавших к Каринской же волости и потому в документах называвшихся иногда Каринскими, и что, наконец, удмурты считали своею всю территорию вверх по Чепце, надо думать, что именно они нападали на монастырские вотчины и что следовательно от них царь оберегал монастырь. В словах же «Каринские татары», слово татары надо считать ошибкой писца грамоты. Каринские татары, как недавние владетельные князья, были конечно, слишком хорошо известны в Московском Приказе, и раз в грамоте было употреблено слово «Каринские», то по привычной ассоциации за ним последовало у писца и слово татары

¹ Труды Вят. Уч. Арх. Ком. 1905 г., вып. V—VI, отд. III, стр. 202—205.

² Спицын. «Земля и Люди на Вятке в 17 стол.»

³ Труды Вятской Уч. Арх. Ком. 1905 г., V—VI, отд. 3, стр. 214.

вместо «вотяки». Само собой разумеется, что удмуртам не удалось уничтожить на их территории монастырское землевладение, поддерживаемое правительством.

Что касается вольнонародной русской колонизации, то она надвигалась из Чепецкого стана, начинавшегося от устья р. Чепцы. Сохранившиеся документы дают нам возможность отметить отдельные моменты продвижения русских в вотский район. Владенная выпись 1700 г. удмуртам Кругловской и Омсинской деревень говорит нам о том, что еще в 1598 г. Каринские удмурты Почашев и Анкузин тягнутся пред Хлыновским судным целовальником с крестьянами Чепецкого стана о покосах на р. Чепце в так называемом Черемховском наволоке и пока что выигрывают дело. Там же мы находим указание на то, что в 1607 г. Каринский удмурт Харько Хвостов продает Чепецкому (т. е. русскому) крестьянину части двух своих покосов, оставив за собой две остальные части, при чем и самые покосы являются смежными с покосами других удмуртов¹.

Так, двигаясь постепенно, крестьяне Чепецкого стана перешли на жительство на правый берег Чепцы и Чепецкий стан клином врезался в удмуртскую территорию. После 1615 г. возникает здесь погост Сезеневский, между 1654 и 1686 г. села Роговское и Заозерницкое и около 1700 г. село Березник (Николаевское).

Еще более значительных успехов достигла вольнонародная колонизация на левом берегу реки Чепцы.

Здесь к востоку от Чепецкого стана в бассейне левых притоков Чепцы; Филипповки, Кордяги, Косы и Святицы находилась местность не заселенная, но отчасти освоенная удмуртами. По крайней мере удмурты утверждали, что здесь были их починки (Дудинский, Бегичевский и друг.) и кое где удмурты кроме того пахали «наездом». В первой половине 17 века на эту местность устремились русские крестьяне.

Пашенный крестьянин Пахом Кошечев с товарищами, жившими ранее где то на церковных землях, в 1637 году подал заявление царю Михаилу Федоровичу о предоставлении им

¹ Вят. Губ. Вед. 1889 г. № 27.

в Чепецкой волости леса дикого раменья, исстари непашенного места, ни за кем не записанного в писцовых книгах.

По поводу этого челобитья началось дело, с ходом и результатом которого знакомит нас отводная выпись Вятского воеводы князя Ухтомского Пахому Кощееву с товарищами от 1648 г.¹

На сыске, произведенном по царской грамоте по поводу просьбы Пахома Кощеева, 71 чел. Чепецких крестьян показали, что намеченное место лежит впусе, не состоит ни в чьем владении, опричь починка Дудинского, Бегичевского, Алешки Широкого, Починка Каринского отина Ивашки Золотарева с товарищами и детьми, опричь починка Дубовцева, да Максимки Зорина и вотских починков и пашенных мест, а 89 чел. Каринских татар и Чепецких чуваш и (несомненно) отяков, заявили, что этим местам исстари владели и владеют они, Каринские и Чепецкие татары, бессермяне и отяки. Отин Сидорка Подеров с товарищами (в колич. 31 чел.) показал, что на р. Пыже есть деревня отина Ивашки Золотарева с детьми, а на верховье Косы починок отина Возиска Пунгина с товарищами, а на Чепце реке с малыми речками и в озерах сенные покосы находятся на оброке за Чепецкими крестьянами и Каринскими татарами, бесермянами и отяками. Таким образом заявление Пахома Кощеева о незанятости просимой земли не подтвердилось ни тою, ни другою стороною свидетелей. Тем не менее в 1639 г. царской грамотой приказано было отдать просителю (Пахому Кощееву) в Чепецком стану большой черный лес (раменья) для постановки церкви и слободы вновь. Но Вятский воевода Еропкин вновь начал производить обыск среди тутошных тяглых и оброчных крестьян (т. е. русских) и, хотя они заявили, что земля эта пуста, ни за кем не записана, однако воевода не отдал Пахому Кощееву этого леса. Тогда царской грамотой было поручено новому вятскому воеводе Семену Глебову ознакомиться с результатами обыска Еропкина и, если окажется, что лес действительно никому не при-

---

¹ Выпись напечатана в Трудах Вятск. Ученой Архивной Комиссии 1906, вып. III-IV.

надлежит, и если Каринские татары и отяки называют его своим «не делом», оброка за него не платят и не имеют никаких крепостей на него, то отдать его Пахому Кошцееву с товарищами. Но и воевода Глебов не отвел леса Кошцееву, а послал результаты прежнего обыска в Москву. В 1641 г. оттуда был прислан приказ отдать раменье Пахому Кошцееву согласно показаниям русских людей. Но после этого Каринские татары, бесермяне и Чепецкие удмурты чрез своих ходоков заявил в Москве, что эта земля записана за ними на повальном оброке (по 6 р. 50 к. с выти), что здесь они промышляют лесными промыслами и этим оплачивают годовой оброк. Поэтому они просили, ввиду заявления Пахома Кошцеева и показания немногих русских людей о незанятости этой земли, вновь произвести исследование чрез Хлыновских и Слободских лучших посадских людей и отказать в челобитьи Пахому Кошцееву.

Царской грамотой было приказано поручить подъячему Вятской Съезжей избы с Хлыновскими посадскими лучшими людьми досмотреть, измерить, нанести на чертеж и описать оспариваемое место, а после этого произвести опрос Вятских посадских и уездных крестьян всех 5 городов (Хлынова, Слободского, Шестакова, Орлова и Котельнича), за исключением Чепецких крестьян и Каринских татар, при чем был поставлен целый ряд вопросов¹. Кроме того было приказано справиться в оброчных книгах, имеет ли Пахом Кошцеев земли, почему их покинул и почему бьет целом о раменье, и все результаты расследования прислать в Москву.

Воевода произвел сыск только среди обывателей двух городов ближайших — Слободского и Шестакова. Но Москва не удовлетворилась этим: в 1646 г. царской грамотой было

¹ Вопросы следующие: Кто владел прежде просимым Пахомом Кошцеевым местом — Каринские татары и отяки, или русские люди, сколько долго и почему, т. е. по каким документам? Есть ли у Каринских татар и отяков иные леса и угодья, имеются ли в том раменьи бортевые угодья, конежники и колодники Каринских татар, отяков и бесермян, или иных людей, сколько тех бортных угодьев и чьи именно, сколько там изб поставлено для лесного промысла, платят ли Каринские татары и отяки оброк на ту землю, или все это дикое раменье лежит в пусте и ни за кем не за оброке.

поручено уже новому (значит третьему) вятскому воеводе Михаилу Олфимову расследовать это дело чрез того же подъячего Вятской Съезжей Избы и прежних выборных — посадских г. Хлынова среди обывателей и трех остальных вятских городов, опять кроме Чепецких крестьян и Каринских татар и удмуртов, и, если окажется, что то место пусто, то дать на полторы выти двум церквам — Троице житоначальной с препод. Михаилом Малениным и Всемилюстивому Спасу с Алексеем божним человеком (здесь разумелись церкви двух сел Филиппова и Косы), а 10 вытей раменя отдать Пахому Кошечеву сначала на льготу, а потом на оброк, а если произойдет спор между Пахомом Кошечевым и отяками, то, не отводя дикого раменя, прислать все дело в Москву.

При расследовании, 266 чел. из трех городов показали, что диким раменем никто не владеет, татары и удмурты оброка за него не платят, что это дикое раменье смежно с землями русских людей, земли же татар и удмуртов находятся на другой стороне Чепцы, и что Пахом Кошечев не имеет никаких земель на оброке. Но так как татары и удмурты решительно заявили, что это место их «искони вечное», то вятский воевода (уже четвертый) князь Ухтомский отправил в Москву все делопроизводство, приложив к нему и челобитие двух выборных от удмуртов. В 1648 г. из Москвы последовало, наконец, распоряжение вятскому воеводе — отвести Пахому Кошечеву дикое раменье на 12 вытей, сверх того землю по реке Святице вплоть до Казанской границы, по речке Ухтыму, а отсюда вверх по Косе (тоже до Казанской границы), отвести ему же на оброк за 10 р. годовой платы, а так как удмурты через своего депутата (Бачко Сидорова) били челом царю о земельных угодьях по р. Косе, которыми они владели (как они выражались) «искони век», и просили дать им торг с Пахомом Кошечевым, то царь приказал: «Кто больше даст, тому и отдать». И велено «учинить в том Государю прибыль без всяких хитростей, чтоб и впредь о том государю челобитьев не было». По поручению Московского указа были вызваны в Хлынов Пахом Кошечев и удмуртские целовальники Каринской и Чепецкой волости и кроме того 4 уд-

мурта с товарищами, был прочитан им указ «многожды», но удмурты не стали торговаться и из Хлынова съехали. А Пахом Кошцев просил дать ему дикое раменье на 13 вытей и за угодыя сверх этих 13 вытей согласился платить 10 руб. с гривной («надал» гривну). В съезжей избе было высчитано, что с Пахома Кошцева причитается платежа оброку и пошлин по 30 р. 61 к., да стрелецких по 32 р. 76 к., всего 63 р. 61 к. (на 76 коп. при сложении ошиблись в пользу Кошцева). Дикое раменье (по речке Филиповке и речке Пыже до Ощлани, вверх по Святице до речки Лобани) было предоставлено Пахому Кошцеву под пашню и сверх того от тех меж от Чепцы реки вверх по Святице до Казанской границы, а от холуя земляного на устье речки Ухтыма, а отсюда вверх по Косе до Казанской границы отдано на льготу (на 5 лет), а по истечении льготы на оброк. Этот оброк и пошлины (всего в сумме 30 р. 37 к. Кошцев должен был платить с 1674 г.), а с угодий оброк и пошлину в сумме 11 р. 10 к. впервые заплатит в 1649 г.

Для нас представляется непонятным, почему после стольких хлопот, сопровождавшихся поездками в Москву и стоивших конечно больших денег на путевые расходы и на кормление Московских приказных, удмурты не стали торговаться на эти земли — потому ли, что им обидно стало вновь покупать земли, которые они считали принадлежащими им искони, или потому, что они предвидели споры и тяжбы с Пахомом Кошцевым, которому царской грамотой уже отведена была часть земли, или, наконец, потому что они искусственно были устранены с торгов?

Таким образом в 1648 г. от удмуртов отнималась громадная территория Чепецкого левобережья от речки Филиповки до р. Святицы.

Территория эта еще до окончательного предоставления ее Пахому Кошцеву, стала заселяться русскими колонизаторами, о чем свидетельствует постепенное появление здесь сел: Филиппова и Косы (1643), Поджернова (до 1654 г.), Мудрова и Кирики (1673) и Мухина (1687 г.).

Таким образом борьба удмуртов с колонизаторами за свою территорию в 17 в. не имела успеха: монастырские

вотчины продолжали существовать, русский Чепецкий стан, тянувшийся от устья р. Чепцы по левому берегу, в самом начале 17 в. перекинулся на правый берег, врезавшись клином в удмуртские земли, а левобережье р. Чепцы от речки Филипповки до речки Святицы в значительной части отошло к русским крестьянам с Пахомом Кошечевым во главе.

Борьба удмуртов с татарами. Во второй половине 17 в. удмурты оказались вынужденными отстаивать свою территорию от Каринских татар, главным образом от бывших Арских князей, проживавших в Каринских погостах.

Потомство этих князей, лишенных в 1588 г. права ведать и судить удмуртов и бесермян, брать с них пошину и отделенное от этих бывших подвластных им народов, очень скоро должно было почувствовать земельную тесноту в своих Каринских погостах и начать искать выхода из создавшегося положения. Такой выход представлялся им в занятии новых (дополнительных) земель на ближайшей территории, т. е. на той, на которой проживали удмурты. И вот начинается понемногу увеличение колонизаторами-татарами земельных участков за счет удмуртов.

Еще в 1625 г. Каринские татары приобретают от удмуртов дер. Весниной и Красной Слудки по договорной записи крепостные луга, которые им удается за собой записать в писцевой книге 1629 г.¹ Переписная книга 1646 г. зарегистрировала 1 случай постройки татаринном двора в удмуртской деревне на Гордином Городище. При подсчете новоприставных дворов в удмуртских деревнях в 1671 г. выяснилось, что один татарский двор переехал в верховья р. Лекмы (за Ежевым погостом). Но эти единичные факты, сохранившиеся до настоящего времени, далеко не обрисовывают действительного положения дела, в действительности же эксплоатирование татарами удмуртских земель достигло по крайней мере, к концу 17 в. чрезвычайно больших размеров, о чем мы впервые узнаем в 1683 г. из коллективной жалобы удмуртов Московскому правительству на Каринских татар

---

¹ Сорокин. Арские князья в Карине (Памятная книжка Вятской губ. на 1897 г.).

пожиточных людей — Исупка, Ханка да Ахмаметка Араслановых с товарищами. Здесь жалобщики заявляют, что татары вступают в их пашенные земли, сенные покосы и всякие уголья; в челобитной далее выясняется, каким образом или в какой форме происходит татарское вмешательство: называя земли Верхочепецкого района безоброчными, татары просили правительство предоставить им их на оброк и нередко получали удовлетворение в своей просьбе и таким образом за небольшой оброк им передавались те земли, за которые удмурты издавно вносили общий оброк. Кроме того, татары, как богатые люди, принимали от удмуртов в заклад их пашни и сенные покосы и пользовались ими, иногда не позволяя удмуртам выкупать заложенные земли. Челобитчики просили царя оборонить их от татар и не велеть последним «вступаться в те их старинные места, в пашни и в сенные покосы и всякие уголья».

Правительство царей Ивана и Петра удовлетворило эту просьбу, приказав Вятскому воеводе велеть отякам попрежнему владеть отяцкими землями и сенными покосами и всякими угольями, а татарам запретить вступаться в те их земли и во всякие уголья и владеть мимо писцовых книг¹.

В том же 1683 г. удмурт дер. Парзи Кибечко Мушин жалуется в Москву на то, что Каринский татарин Резеп Кадышев пашет землю и владеет бортными ухожьями, принадлежавшими ему, но неправильно проданными татарину². Правительство на это челобитье ответило неопределенной грамотой, в которой велено Вятскому воеводе и дьяку по тому делу учинить указ по Уложению и по крепостям, безволочитно, в правду, чтоб о том впредь от истца и от ответчика спору и челобитья не было³.

В 1692 г. Каринские татары Мустафа Долгоаршинный, Искиндер Арасланов получили из Вятской приказной избы памятки на землю в удмуртском районе, назвав ее пустой,

¹ Дело Вятск. Провинц. Канц. 1735 г.—Приказное Дело Старых Лет, 1683, № 65, л. 15—19.

² Приказные Дела Старых Лет, 1683, № 65, л. 13—14.

³ Владетельная выпись Стольника Артемия Челищева отякам Верхочепецкой 5 доли (Труды Ижевского Научного Об-ва 1926, вып. I, стр. 6).

понастроили здесь дворы и поселили своих людей. В том же году татарин Юнус и Мавлиш привезли из Москвы на Вятку грамоту о том, чтобы им были даны из малых оброков «многие вотяцкие земли и угодья», — впрочем указ был условный: «если эти земли и угодья находятся в порожних местах и если не будет ни от кого челобитья» (спора); но, так как удмурты заявили спор, то Мавлиш от этих земель отступился, а Юнусу Касимову в даче земель отказано. В 1697 г. этот же Юнус Касимов просит царя уступить ему под пашню и сенные покосы пустое порожнее место в верховьях р. Чепцы при впадении речки Леб (с верховья до устья этой речки по обе стороны.)

«Этим местом — прибавлялось в челобитной — безоброчно владеют тутошние вотяки и иные из Казанского уезда». Правительство распорядилось: если эти земли действительно не отданы на оброк, то «отдать челобитчику на 5 л., усматривая того, чтобы великого государя казне было прибыльнее.

В 1698 г. вышеупомянутый Каринский татарин Мавлиш Касимов подал челобитную в Москву об отдаче ему дикопроезжей земли по Чепце реке для распахания и сенных покосов и для постройки мельницы. Так как претендентом на эту же землю выступил и другой Каринский татарин, также вышеупомянутый нами Юнус Касимов, то правительство приказало устроить торг на эту землю; Мавлиш дал больше (3 р. 23 алт. 2 деньги — 3 р. 70 к.) и земля была предоставлена ему¹.

Но не все татары обращались в Москву или в Вятскую Приказную Избу за грамотами на предоставление им тех или иных участков, некоторые из них занимали земли явочным порядком — приезжали на новые места, строили здесь дворы и селили в них своих людей, или же пахали занятые земли «наездом». Иногда на новых местах пришельцы пользовались не только землями, но и растущим лесом для постройки стругов, малых судов и плотов, причем иногда срубали деревья, уже запятнанные (т. е. принадлежащие кому либо из удмуртов). Таким образом в разных

¹ Приказные дела старых лет 1698 г., № 186.

формах происходил процесс захвата татарами удмуртских земель.

В 1697 г. удмурты Верхочепецкой 5 доли просили Московское правительство 1) отобрать земли у Искандера и Мустафы и выслать последних с их территории, 2) выслать и удмуртов, приехавших к ним из других долей, если они не захотят платить стрелецкие деньги и всякое мирское тягло, 3) обязать всех удмуртов не продавать и не закладывать татарам вотчинных своих и новоросчистных земель, сенных покосов, деревень и починков и каких либо угодий, под угрозой наказания в Хлыновской приказной избе, чтобы им было не повадно наводить татар в 5 долю, 4) если татары и после этого будут занимать вотяцкие земли и лесные угодья, то их приводить в Хлыновскую приказную избу и взыскивать с них убытки в пользу удмуртов по их мирским сказкам (т. е. по их заявлениям).

К этому удмурты присоединили просьбу отмежевать земли 5 доли от татар, а также от удмуртов других долей, и от Казанского рубежа, в присутствии подьячего Вятской приказной избы, а также старост и целовальников всех отяцких и бесермянских долей, и в заключение просили выдать им по их челобитной государеву грамоту с прочетом, чтобы им «от напрасных их татарских нападков и разорения врознь всем не разбрестись и не запустить государевых стрелецких денег».

Просьба удмуртов была правительством удовлетворена. Царской грамотой 1697 г. было предложено вятскому воеводе между прочим:

1) Запретить татарам владеть отяцкими землями, 2) выслать из 5 доли татарина Мустафу и детей его, 3) бесермян и отяков, приехавших в 5 долю из других мест и занесенных в переписные книги, заставить платить стрелецкие деньги вместе с 5 долей, если же они этого не захотят, то их выслать на прежние места жительства, 4) запретить татарам въезжать в 5 долю для заготовления стругов, судов и плотов; в случае ослушания бить их в Хлынове батогами нещадно, 5) запретить отякам продавать или отдавать татарам свои вотчинные и новоросчистные земли, сенные покосы, де-

ревни и какие бы то ни было отяцкие угоды, а равно приглашать татар в качестве толмачей: кто не будет исполнять этого распоряжения, тех приводить в Хлыновскую приказную избу и бить нещадно батогами вместо кнута, 6) произвести отмежевание земель 5 доли от земель Каринских татар, отяков других долей, а также населения Казанского уезда, для какой цели послать, кого пристойно по их отяцкому и бесермянскому выбору, в присутствии старост и целовальников с мирскими людьми.

Выбор удмуртов остановился на бывшем (в 1690—1692 г.) дьяке Хлыновской Приказной избы Савве Сандыреве, который в означенное время находился, повидимому, в Воронеже. Приехав к удмуртам, сыщик Сандырев произвел повальный сыск и в результате приказал выслать татар из 5 доли, оставив лишь тех татар, которые поселились здесь до переписных книг 1678 г., но и они оставлены были лишь до нового указа царского с условием бездоимочного платежа всяких мирских расходов старосте и целовальнику 5 доли; в случае упорства в платеже они должны быть подвергнуты двойному взысканию.

Но распоряжение Саввы Сандырева оказалось не вполне действительным. Немногие татары подчинились высылке, большинство продолжало оставаться на занятых землях.

Ввиду этого в июле 1701 г. размежевание удмуртов было поручено новому лицу — стольнику Артемию Ивановичу Челищеву. После опроса старост и целовальников всех вотских долей, а также мирских людей, он постановил выслать из 5 доли до 10 татар владельцев участков, о чем им объявлен указ 17 января 1703 г. при многих выборных старожилах, при русских, татарах и отяках, и при иных людях. И этот указ оказался не действительным.

Во второй половине 1703 г. произведено было еще какое то давление на татар, и тогда они начали подавать стольнику Артемию Челищеву так наз. мировые челобитные. В мировой челобитной (от 22 сент.) татарин Мустафа Долгоаршинный с детьми и товарищами написал, что он, татарин, поступает (т. е. уступат) своим починком с пашенной землей, лесом и с санными покосами и всякими угодыми и дво-

ровыми и гуменными хоромами, молочным и не молочным (в скирдах) хлебом в пользу удмуртов, а цена этому хлебу и дворным и надворным хоромам 9 р. 50 к., кроме того он с товарищами дает удмуртам за завладение ими, татарами, землей, за Московские и Хлыновские хлопоты и за другие издержки 60 р. деньгами да возвращает им взятые у них кабальные (заемные) и закладные письма, на сумму 85 р. 50 к., выдает также уже оплаченные кабалы взятые у удмуртов Байсара Курбачалева, Петра Камаева и Кикбая Кукьчина и обещается впредь безденежно выдавать кабалы и всякие крепости, какие сыщутся у них, татар, на удмуртов.

В мировой челобитной татары Искиндер и Мусей Усеевы Араслановы (от 28 сент.) обязались уступить удмуртам 1) принадлежавшие им сенные покосы, бортные, канежные¹ и всякие угодья, которыми они владели по купчей от 2 бесермян за 20 р., 2) гуменные свои хоромы ценой за 4 р. 50 к. на будущее время за починок в 2 двора, и за Пызепский поступной дуг, за сенные покосы и за всякие угодья оброчные деньги и всякие другие государственные сборы вносить в бесермянскую долю.

Далее 5 татар — Маметелей Бекмететов, Бегей Мамет-Сыфеев, Ишмечик Беремелев, Сеней Резепов Девятьяров, Бегеней Зянбарисов Арасланов по мировой челобитной (от 7 октября) уступили свои земли и всякие угодья в 5 доле и кроме того уплатили удмуртам 10 р. за Московские, Хлыновские и всякие другие издержки. Татарин Кузубай Бахватов Дюняшев по мировой челобитной от 11 октября обязался уступить удмуртам занятую им в 5 доле землю — пашенную с сенными покосами и всякими угодьями, дворными и гуменными и всякими хоромами и кроме того отдать безденежно взятую на них заемную кабалу в сумме 20 р.

Татарин Аскей Филимонов Арасланов, у которого удмурты уже ранее взяли пожитки, оцененные Аскеем в 115 р., по мировой от 12 октября помирился с ними, т. е. очевидно прекратил свой иск в увезенных пожитках. Наконец, тата-

¹ Канежные угодья — выгон для скота, поскотина.

рин Мавлиш Маметелев Касимов (по мировой от 14 октября) отказался от своих владений, но денег удмуртам, очевидно, не платил (иначе было бы упомянуто об этом).

Но не все татары и теперь подчинились распоряжению; так Каринский татарин Дусмамет Ахмаметев Дюняшев, которому 18 октября 1703 г. был при свидетелях сказан царский указ с приказанием выехать из занимаемой им деревни Зуды, отказался приложить руку (т. е. расписаться в выслушании указа) и за это стольником Челищевым назначено ему наказание — бить его без рубашки батогами. После этого Дусмамет Дюняшев расписался под указом (татарским письмом); кроме того за него один русский человек расписался по-русски.

Татарин Сетхул Мустафин Долгоаршинный, также не желавший поступаться своими земельными владениями в 5 доле, сыщиком Артемием Челищевым был посажен в г. Вятке на съезжем дворе за караул, скован в заклепных железах. Только после этого он, как говорится в документе, помирился с удмуртами, заплатив за мировую челобитную и причитающиеся пошрины, после чего и подал прошение об освобождении его из съезжего двора на поруки.

После всей этой расправы с татарами стольником Челищевым было окончательно установлено за Верхочепецкой пятой долей право на исключительное владение пашенными и лесными угодьями, землями, санными покосами, звериными и птичьими и рыбными ловлями, канежниками, колодниками, путиками и бортными и всякими угодьями, в удостоверение чего и было выдано отяцким целовальникам Иркешу Камаеву Булатову и Апачу Ильичу Чужегову владетельная выпись¹.

Но наступление татар на вотские земли, несмотря на решительные меры местной администрации, не было изжито. Высланные из 5 доли татары устремили свое внимание на земли в других долях. В 1711 г. удмурты Косинской доли жаловались на то, что татарин Юнус Касимов владеет от-

---

¹ Подлинник этой выписи издан в выпуске I Трудов Ижевского Научного Общества за 1926 г.

веденными для них землями в деревнях Красной Слудке и «Орешники», где у него имеется 3 двора, в починке удмурта Андрея Низнегова и 2 в поч. над Верхним Ключом. Когда приехавший сюда из Казани сыщик кн. Щербацкий стал производить расследование по этой жалобе, то оказалось, что у Юнуса Касимова в Косинской волости имеются 22 двора, в том числе — по 1 двору в дер. Низнеговской, Ключевской, Ходоровской, в поч. за Малой Рекой, в займище Бояровском, по 2 двора — в дер. Рупосовской, займище Тиминском, поч. Суяминском, 3 двора в дер. другой Рупосовской и 4 двора в дер. Бердычевской, что во всех деревнях у него живут половники из русских людей и что все эти деревни отмежеваны ему и за им записаны по переписи 1710 г.¹

Из дела не видно, как разрешена была жалоба Косинских удмуртов. Но известно, что заселение татарами удмуртских земель продолжалось и потом, о чем свидетельствует возникновение на среднем течении Чепцы (недалеко от нынешнего города Глазова) значительного числа татарских деревень и починков, которые существуют и в настоящее время.

Мне еще остается коснуться вопроса о выселении из Чепецкой территории за рассматриваемое нами время. Выселения эти происходили и здесь, судя по запустевшим дворам, обнаруживавшимся во время переписей.

Дозорная книга 1615 г. насчитала в Каринской волости 14 пустых дворов, хозяева которых «сбежали безвестно» между 1610 и 1615 г.г.; переписная книга 1646 г. зарегистрировала преимущественно в восточной части территории 16 пустых дворов (2 в дер. Зуре и по одному в деревнях Полومه, Заозерье, Красной Слудке, Хопове погосте, Качкашуре, Пустоши Ивановской и Канасевской, Еловской и в дер. на речке Лекме). Хозяева этих дворов, как отмечается в Переписной книге, сошли или бежали в Казанский или Уфимский уезд. В 1652 г. писец Отяев, выяснявший в деревнях Чепецкого района количество вновь поставленных (или при-

---

¹ Дело Вятской Пров. Канц. 1735, № 124 (в Вятском Историческом Архиве).

ставных), а также запустевших после 1646 г. домов, насчитал 15 пустых дворов — 5 в дер. Заозерье, 3 в дер. Жабинской и по одному в поч. на Гареве речке, дер. Дизминской, Средней и Верхней Убыти, Верх-Лекме, Кушманской и в Копове Погосте, причем отметил, что бывшие хозяева этих дворов «бежали» т. е. очевидно совсем ушли из данного района¹.

Эти данные показывают, что выселение жителей из удмуртской территории Вятской земли, сопровождавшееся запустением дворов, в 17 веке имело место, хотя и не получило широкого распространения; в этом отношении данный район значительно отличался от русских районов той же Вятской земли, в которых пустые дворы, оставленные бежавшими хозяевами, встречались чрезвычайно часто, как это можно видеть из переписных книг 17 века.

Итак, удмурты, занимавшие при начале русской колонизации места по среднему течению р. Вятки от Моломы до устья Чепцы, к концу 16 в., постепенно отходя от русского населения, заняли территорию р. Чепцы вплоть до верховья; небольшая часть их прошла и южнее — до верховьев притоков Камы, Ижа, Вотки и Очерки.

Вместе с ними на этой же территории оказались в небольшом числе татары (в Каринских погостах) и бесермяне, а также русские, привлеченные сюда в качестве половников.

В течение 17 в. удмурты постепенно расселяются вверх Чепцы в восточном направлении, но это движение удмуртов встречает на своем пути серьезные помехи, которые несколько видоизменяют направление расселения удмуртов: в начале 17 в. правительство часть земель удмуртской территории передает вновь образовавшимся здесь монастырям под вотчинное владение; одновременно сюда устремляются из Чепецкого стана, тянувшегося от устья р. Чепцы по левому берегу, русские крестьяне, проникают в правобережье Чепцы и постепенно образуют здесь починки и деревни, составившие продолжение Чепецкого русского стана; около

---

¹ Список переписных книг Вятского уезда, данный на Вятку в 1652 г. (Рукопись Ленинградской Публичной библиотеки, IV О № 259).

половины 17 века, при содействии Московской власти, другая группа русских овладевает большими пространствами в левобережьи Чепцы между р. Кордягой и Святицей.

Во второй половине 17 в. начинают занимать земельные участки на удмуртской территории бывшие Арские князья, проживавшие в Карине и располагавшие довольно большими материальными средствами. Усилия удмуртов оказать противодействие вторжению на их территорию русских и татарских колонизаторов не достигают цели; в отношении русских, поддерживаемых Московской властью, эти усилия не имеют никакого успеха, в отношении же татар они сопровождаются лишь частичными результатами; часть татар все-таки остается на занятых ими удмуртских землях.

К концу 17 в. карта размещения удмуртов в бассейне реки Чепцы и верховья Ижа и Вотки приобретает тот вид, который она имеет и в настоящее время, с тем лишь различием, что в последующее время (в 18 и в начале 19 века) на удмуртской территории поселились (вкрапнулись) в довольно большом числе русские новоселы из центральных уездов бывшей Вятской губернии, не вытесняя коренных обитателей.